

Батчаева К.Х.
Batchaeva K.H.

**ТЕМА ПАМЯТИ О ПРОШЛОМ, О ПЕРЕЖИТОМ В ТВОРЧЕСТВЕ
КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ПОЭТА К. ОТАРОВА
THE THEME OF MEMORY OF THE PAST, OF THE EXPERIENCE IN THE
WORK OF KARACHAY-BALKARIAN POET K. OTAROV**

Анализируется аспект исторической памяти в карачаево-балкарской поэзии, исследуется творчество Керима Отарова. Обращаясь к событиям далекого и недавнего прошлого, поэты извлекают нравственные уроки – уроки силы, мужества, стойкости и надежды. Предметом изображения и осмысления с позиций историзма в карачаево-балкарской поэзии стали наиболее яркие и трагические страницы истории народа и государства; революция и начало социалистических преобразований, культ личности, репрессии, Великая Отечественная война.

Частое обращение к трагическим вехам истории обусловлено стремлением предотвратить повторение ошибок прошлого.

В произведениях о прошлом можно найти ответы на многие волнующие вопросы – о правде, о жизни и смерти, о памяти и беспамятстве, о цене победы, о роли человека перед историей.

The article analyzes the aspect of historical memory in Karachay-Balkarian poetry, examines the work of Kerim Otarov. Turning to the events of distant and recent past, poets learn moral lessons - lessons of strength, courage, resilience and hope. The most vivid and tragic pages of the history of people and the state became the subject of image and comprehension from the point of view of historicism in Karachay-Balkarian poetry; revolution and the beginning of socialist transformations, cult of personality, repression, the Great Patriotic War. Frequent reference to the tragic centuries of history is conditioned by the desire to prevent the repetition of the mistakes of the past. In works about the past you can find answers to many exciting questions – of truth, life and death, of memory and unconsciousness, of the price of victory, of the role of man before history.

Ключевые слова: колхоз, Великая Отечественная война, репрессии, историческая память, связь поколений, трагедия, мужество, патриотизм.

Key words: collective farm, Great Patriotic War, repression, historical memory, intergenerational connection, tragedy, courage, patriotism.

Батчаева Клара Хамидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики профессионального обучения и иностранных языков, ФГБОУ ВО Кабардино-Балкарский ГАУ, г. Нальчик

Batchaeva Klara Hamidovna – Candidate of Philology, Associate Professor Chair of Pedagogics of professional education and foreign languages, FSBEI HE Kabardino-Balkaria SAU, Nalchik

Замечательный карачаево-балкарский поэт К. Отаров прожил долгую, необычайно интересную и трудную жизнь. Основные вехи ее запечатлены в творчестве поэта. Здесь и активное участие в процессе создания колхозов, и искреннее увлечение идеями революции, вера во всеобщее обновление

угнетенного народа, в культурный рост и т.п. Вот, например, такие строки:

Вы нас убиваете, но мы не боимся.
Однако... вы не сможете задушить
революцию, собаки! На вершинах
Эльбруса будет реять
Красное знамя.
Да здравствует Ленин!
Да здравствуют большевики! [7]

Безусловно, поэт здесь правдиво передает свои чувства, ведь в то время многие молодые люди находились под влиянием революционных идей, верили в светлое будущее, надеялись... И та их вера, надежда – достояние памяти. К. Огаров не отказывается, не отрекается от своих юношеских устремлений и тех пронзительных строк. В них запечатлен процесс становления личности, в них – история государства.

В настоящее время критика старается не замечать стихотворений, касающихся возвеличивания партии и ее вождей. Но, думается, мы не вправе забывать и о том, что сейчас поспешно признано заблуждениями. Ведь К. Огаров не выборочен в темах своего творчества, на страницах его книг – свершения большие и малые, победы и поражения, радости и невзгоды. Вот с каким восторгом, например, отмечает поэт начало строительства новых хозяйственных объектов:

Блестит луна, но только ли луна!
Вон огоньки внизу горят, как звезды.
Не чудо ль - видеть звезды на земле?!
Не чудо ль - ГЭС плотина на Баксане?! [2]

Затем годы войны и репрессий, также нашедшие свой отклик в творчестве поэта. Эти испытания помогли закалиться характеру, обрести философское спокойствие и мудрость. Но память вновь и вновь возвращает его к пережитому, заставляет вновь прочувствовать и пережить давний опыт:

Потемнели горные отроги.

Город зажигает фонари...

И опять по фронтовой дороге.

Бродит моя память до зари [3].

В стихотворении, откуда приведен отрывок, углубляется историческая память. И, как замечает литературовед Т. Эфендиева, это «не дань времени. Осмысливая судьбу своего поколения, молодость которого совпала с годами Великой Отечественной войны, в тесной связи с поколением, выросшим после 50-х годов, поэт отмечает в нем дерзание поиска и гуманистическую природу как естественное выражение человеческого характера» [4]. Именно это поколение, по мысли К. Отарова, осуществляет связь времен, оно, сложившееся в годы революций, строительства новой жизни, выстоявшее в трагических испытаниях, передает новым поколениям память о прошлом. Ибо невозможно передать детям опыт родителей, их знания, идеалы и устремления, не рассказав о былом, о недавнем прошлом, во избежание повторения ошибок – нужно и жизненно необходимо. Именно поэтому в творчестве К. Отарова такое большое место отводится теме исторической памяти и ее антитезе – беспамятству.

Люди, потерявшие память, забывшие о своих корнях, «обречены на одиночество и духовное умирание, так как нет у них ни прошлого, ни настоящего; нет у них и определенных нравственных постулатов, которые помогали бы им выстоять в трудных жизненных обстоятельствах. И часто ценою духовных потерь они идут к самоутверждению» [5].

В первые два года войны, когда нашим войскам приходилось вести тяжелые оборонительные бои и силы народа были сосредоточены на одном – Выстоять! Отомстить! Победить!, творчество Отарова, как и многих советских поэтов, развивалось по линии публицистики, ораторского стиля. К таким стихам можно отнести его обращения и призывы «Жить!» («Жашаргъа!» – 1942), «Мы победим» («Биз хорларбыз» – 1941), стихи-клятвы «Клятва» («Ант» – 1941), наказания «Письмо фронту» («Фронтха письмо» – 1941), стихи-раздумья о героическом прошлом России, о Советской Армии («Красная армия» – 1944). Силой любви к родине и ненависти к врагу рождались подобные строки:

Жюрек таукелд!
Къалтырамаз къолубуз!
Хар ким да къопсун!
Чыгъайыкъ урушха,
Сакълагагъа тюзлкжню эм жерибизни!

Сердца полны решимости!
Не дрогнут наши руки!
Вставайте все!
Пойдем на войну

Защищать правду и нашу землю! [6]

Отаров, как суровый реалист, показывает войну такой, какой она была: трудной и страшной, со всеми трагическими обстоятельствами отступления и плена. «В ночной степи» (1942) – о высоком героизме, в котором решающая роль принадлежала идейной убежденности защитников Родины, самоотверженному отношению к своему воинскому долгу, когда «... рокочет гнев в натруженной груди».

Но стихотворение не столько об этом, сколько о том, чтобы показать другую форму проявления невиданного героизма, массовой будничной работы на войне, объективную ее основу. Ведь каждая военная операция, наступательная или оборонительная – это смертельно опасный ратный труд: яростные атаки, нечеловеческая усталость, липкая грязь дождей, преодоленных дорог и болот, окопов и траншей. И форсирование под свинцовым дождем пуль, и тысячи километров пройденных путей в зное и холоде, и гибель своих друзей – все пережил и испытал Керим Отаров. Поэтому стихотворение начинается с вопроса, обращенного, вероятно, к тем, кто дома:

Идет сегодня дождь у вас, скажите?

У нас идет – и словно из ведра.

На дне окопов –

Наших общежитий –
Неистовая плещется вода [7].

На войне Отаров писал увлеченно и взволнованно, отражая суть характера советского человека, время тяжелых испытаний, начиная от самых первых, самых трудных дней, когда «отступали, плакали ночами, в крови и пепле на восток мы шли», и, кончая теми днями, когда вместе с острой болью входила в сердце и радость – «тебя мы возвращали, целуя горсть родившей нас земли».

Непосредственное участие в боях вооружало поэта меткой наблюдательностью, помогало приобрести драгоценное чувство реальности в изображении суровых событий. Преданность правде заставила поэта рассказать и том, как в первые месяцы войны советские воины, «омывши землю кровью и слезами, с боями отступали на восток», и о том, как, «раскинув руки, стыли вдоль дорог тела непохороненных детей» [8].

Действительность войны воспринималась Отаровым реалистически. Он открыто и мужественно рассказал о войне, зверствах фашистов, горе и несчастьях.

Трагическое в стихах Отарова военных лет – это как призыв к борьбе с врагом, констатация мужества, средство проникновения в духовный и нравственный мир рядового солдата на тяжелых дорогах военной поры. «Беглец и дорога» – одно из таких стихотворений, написанных в 1943 году. Драматична судьба солдата, попавшего в плен к фашистам, и только сильные духом, как Андрей Соколов, со жгучей болью в душе продолжали бороться в лагерях смерти. И если одному из них удавался побег, он клялся: «Живым в фашистский лагерь меня не возвратить». По идейно-тематической направленности близко к этому стихотворению можно отнести стихи «Безногий мальчик» («Бутсуз жашчыкъ» – 1942), «Смерть героя» («Батырии ёлюмю – 1943) и «Раненый комиссар» («Жаралы комиссар» – 1942). Здесь гражданское чувство скорби, большая патриотическая идея раскрываются через мысли и переживания, казалось бы, конкретных героев, свойственные, однако, большинству советских людей.

Память о героях войны, о горевшей и негоревшей юности наших предшественников – богатое духовное наследие всех поколений, которые есть и которые будут. И в этом, конечно, неизмеримая заслуга российских писателей, особенно тех, кто вместе со всем народом встал в строй с оружием и пером в руках. А в строй встали тогда все поэты и писатели, кому позволяло состояние здоровья: Н. Тихонов, А. Твардовский, К. Симонов, И. Сельвинский, А. Шогенцуков, К. Кулиев, А. Кешоков, К. Отаров, А. Шортанов и многие другие.

Военные будни диктовали им жить одной жизнью с соотечественниками, говорить с ними языком «суровой правды». Но постижение психологической глубины российского воина, сумевшего противопоставить фашистскому захватчику мужество, веру в правоту своего дела, объяснение истоков его нравственной и моральной стойкости в первые дни войны оказались не всем по плечу. Об этом говорит тот факт, что многие известные русские поэты начинали с общего плакатного стиля и повторения того, что было пройдено в начале 30-х годов. А. Абрамов справедливо пишет о том, что проблематика, выдвинутая войной, полное свое художественное решение получила не сразу. И не только потому, что она не сразу выявилась и в самой жизни. «Надо было до конца ощутить реальный смысл происходящего, как можно ближе стать к потрясенным чувствам народа, к самым трагическим событиям. «Громадный, дышащий огнем и кровью материал, основанный на личных переживаниях, не укладывается ни в какие прежде выработанные формулы, не вызывал привычных ассоциаций и сравнений». К тому же следует учесть, что в балкарской литературе эти формулы, не успели выработаться, не у всех поэтов определилась творческая индивидуальность. Можно сказать, что молодые балкарские авторы едва научились подавлять аффектное состояние, как на них обрушилась новая беда несоизмеримой величины. Всенародное горе, с одной стороны, и массовый героизм, с другой, как бы вернули балкарских поэтов в прежнее психологическое состояние озлобления, гнева, досады и, естественно, восхищения подвигом народа. Известно, что сильные чувства наступают быстро и по вполне определенному поводу, сужают объем сознания. Это

характерно не только для представителей формирующихся литератур, но и для художников, уже зарекомендовавших себя мастерами. Образы, продиктованные разгневанной совестью и эмоциональным порывом, тогда были присущи всем – и начинающим, и зрелым. В первые месяцы войны не были исключением ни К. Кулиев, ни К. Отаров, создававшие образы, отражающие их эффектное состояние, граничащее с проклятием, руганью. Так, к примеру, К. Отаров пишет:

Черный коршун-падальщик
Разорил гнездо голубя. [6; 76]

Как видим, автор выражает чувство ненависти к захватчикам, с одной стороны, и с другой — чувство любви и нежное отношение лирического героя к Отечеству, к дому родному.

Поэзия Керима Отарова стала заметным явлением в балкарской литературе 30–40-х годов, на высокий идейный уровень которой не раз указывали ведущие критики. Она развивалась в едином русле многонациональной советской литературы, сохраняя свою национальную специфику, оригинальность содержания и стиля. Общие закономерности литературного процесса нашли отражение во многих затронутых поэтом социально-нравственных проблемах. Однако более высокое художественное место поэзия Отарова заняла с первой половины 50-х годов, когда ее творческая концепция нашла дальнейшее развитие.

Это возросшее чувство истории, человеческой памяти осознается не как возвращение к одному и тому же — воспоминанию боевого и трудового прошлого военных лет и послевоенной поры, а как передача нравственного и духовного опыта ветеранов войны новому поколению, чтобы оградить его от уродующего влияния чуждой пропаганды. Она пытается по-своему показать деяния фашизма, его истоки, истолковать причины, поражения и победы в годы Великой Отечественной войны, чтобы человечество не забыло о подвиге советского народа и его всемирно-исторической роли в спасении цивилизации. Поэтому современные поэты и прозаики размышляют о значении социальной

памяти для развития национального сознания и самосознания, особенно молодого поколения, с его энергией и жаждой знаний, стремлением к красоте, но нередко забывающего об ответственности. Тема памяти в поэзии Керима Отарова последних лет – это тоже как жизненный урок, как способ существования и передачи человеческих отношений и нравственных ценностей. Благодаря ей поэт смог перекинуть мост в дивный мир, носящий имя «Юность» («Радуга» – 1958):

Сказочно, светло и разноцветно,
Радостно и трепетно звеня,
Радуга легла,
Как мост заветный
В странный мир, плывущий от меня.
И звенят, над миром молодея,
Разделив все небо пополам,
О, мои далекие владенья,
Где я брел в рассветы по полям! [8]

Образ уходящих лет в поэзии Отарова — это подвижный, динамичный художественный образ, через характер и восприятие которого можно проследить и национальный опыт жизни балкарского народа, и его социально-исторический путь духовного развития. Он является и своеобразным зеркалом, способным уловить и отразить поэтическое мышление самого автора, его думы, стремления и чувства.

Знаю я,
Что, плача и волнуясь.
Через мост,
Летящий в те года,
В дивный мир,
Носящий имя —
Юность, мне не перебраться никогда [8].

Итак, центральной мыслью, пронизывающей все творчество К. Отарова,

является тема памяти о прошлом, о пережитом и тревога за будущее поколения; способны ли они воспринять от предков основные моральные, нравственные ценности, передаваемые только через воспоминания, формируемые и хранимые народной памятью.

Литература

- 1.Бычков Д., Пипинис В. Сердцем с народом // Кабардино-Балкарская правда. 1959. 1 сентября.
- 2.Огарев К. Обелиски. Стихи и поэма. Нальчик, 1972. 156 с.
- 3.Отаров К. Дороги. – М.; 1959, 111 с.
- 4.Отаров К. Избранная лирика. – Нальчик, 1962, 41 с.
- 5.Отаров К. Жолла. Фрунзе, 1956. 288 с.
- 6.Отаров К. Годы и горы. М.: Советский писатель, 1966, 149 с.
- 7.Отаров К. Горный поток. М.: Сов. Россия, 1963. 129 с.
- 8.Эфендиева Т.Е. Страницы жизни и творчества Керима Отарова. – Нальчик, 1997, 121 с.

References

- 1.Bychkov D., Pipinis V. Serdcem s narodom // Kabardino-Balkarskaya pravda. 1959. 1 sentyabrya.
- 2.Ogarev K. Obeliski. Stihy i poema. Nal'chik, 1972. 156 s.
- 3.Otarov K. Dorogi. – M.; 1959, 111 s.
- 4.Otarov K. Izbrannaya lirika. – Nal'chik, 1962, 41 s.
- 5.Otarov K. ZHolla. Frunze, 1956. 288 s.
- 6.Otarov K. Gody i gory. M.: Sovetskij pisatel', 1966, 149 s.
- 7.Otarov K. Gornyj potok. M.: Sov. Rossiya, 1963. 129 s.
- 8.Efendieva T.E. Stranicy zhizni i tvorchestva Kerima Otarova. – Nal'chik, 1997, 121 s.